

ВАСИЛИЙ ДАВЫДОВ-АНАТРИ

МИХАИЛ СЕСПЕЛЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ РОДНЫХ

МАТЬ ПОЭТА О СВОЕМ СЫНЕ

1969 год. Чебоксары. Погожий осенний день в Чапаевском поселке. С тополей опадают желтые листья, и поределые кроны деревьев уже не задерживают солнечных лучей. Улицы поселка заполнены ярким, но рассеянным светом и имеют тот особый, неповторимый вид, какой они принимают лишь в середине осени, когда морозы еще не пришли, однако по утрам в терпкой свежести воздуха чувствуется их холодное дыхание. В такую грустную, но милую душе пору хорошо думается, вспоминается, и мысли приходят ясные, не засоренные шелухой мелких житейских забот...

Мы сидим с Агафьей Николаевной в ее уютной, тихой квартире, ведем неторопливую беседу. Впрочем, я больше слушаю, а говорит Агафья Николаевна — Укахви аппа — мать Михаила Сеспеля, основоположника чувашской советской поэзии.

Многотрудная жизнь, извечные для женщины-крестьянки заботы, материнские переживания и слезы оставили на ее лице неизгладимые следы — морщины. Она многое видела и многое пережила за свои девяносто с лишним лет. Смертной поступью проходили войны, голодные годы, надрывали сердце семейные невзгоды, беды детей...

— У Миши есть стихотворение «Чувашке», — говорит Агафья Николаевна. — Я вот думаю, это он целиком списал с меня.

Она достала из сундука томик стихов своего сына, передала мне.

Даже малая букашка
Радовалась лету.
Все, что жило и дышало,
Все тянулось к свету.
Только ты, с печалью в сердце,
Радости не знала;
Год за годом возле печки
Век свой вековала*.

* Перевод с чувашского П. Хузангая.

При этих словах Агафья Николаевна подняла к глазам платок. Заметив на ее лице слезы, я закрыл книгу, отложил в сторону. Мне хотелось узнать от матери поэта как можно больше о нем самом, о их семье, но боязнь утомить ее своими расспросами сдерживала меня. Однако неожиданно для себя услышал:

— Я еще не устала. Все, что помню, расскажу про Мишу.— Агафья Николаевна помолчала и добавила: — Если я не расскажу, какой он был в детстве, кто расскажет?

Действительно, кто знает о детских годах поэта больше, чем его мать? — И я внимательно ловлю каждое ее слово.

* * *

— Молодость моя была безрадостной,— рассказывает Агафья Николаевна.— Десятилетней девочкой я стала сиротой. Прошел как-то по нашей деревне мор и скопил больше сорока человек. Тогда и умерла моя мать. Отцу в ту пору было пятьдесят лет. Не захотел он жить вдовцом, решил жениться. Привел в дом молодую жену, звали ее Кулине и было ей двадцать три года. И как только пришла она в нашу семью, так и не стало мне хорошей жизни в родном доме. Иной раз целыми днями оставалась голодной. Из избы на улицу не в чем было выйти. Но хуже всего то, что приходилось терпеть несправедливые упреки мачехи. Чего только не наговаривала она обо мне моему отцу — и такая-то я, и сякая. И он верил ей...

Исполнилось мне девятнадцать лет. Пришла пора выходить замуж. Просватали меня отец с мачехой за какого-то Никиту из Казаккасов. Я этого Никиту ни разу не видела. Да моего согласия никто и не спрашивал.

Узнав, что меня просватали, прибежала из Шоркасов наша родственница Хветура аппа. Спасибо ей, она за меня заступилась. Как зашла в избу, так сразу принялась плакать, ругаться.

— Что это вы делаете? Что вытворяете? — причитала она.— Отдаете Укахви за полуслепого человека?!

Тогда же Хветура аппа сбегала к Никите, забрала все подарки, которые дала ему мачеха.

Прошло немного времени, и из тех же Казаккасов пришел к нам еще один жених — Кузьма. Отец и мачеха были не против — им лишь бы скорее выдать меня замуж, а за кого, какая разница?

— Не пойду,— говорю я им.

— Идти надо,— убеждает меня мачеха.— Тебя уже один раз сватали, ты не пошла. Значит, теперь надо идти.

И отец тоже твердит, что давно уже мне пора замуж.

— Чем идти за нелюбимого, лучше в монастырь закрыться,— отпираюсь я.

А отец говорит:

— В монастыре тебе еще хуже будет.

Так и пришлось идти замуж. По чужой воле, а не по своей любви, не по сердечному зову.

И вот я в избе у Кузьмы. Молодушка, невестка. А радости от этого особой не чувствую. Наоборот, так и свербит что-то в груди, не знает душа покоя.

Познакомилась с родственниками мужа. Отца у Кузьмы звали Федором, деда — Исааком, прадеда — Михаилом.

Вот говорят: стерпится — слюбится. Наверно, оно так и есть. Шло время, стала я к Кузьме привыкать. Однако до сих пор не могу забыть некоторых его выходок. Характером он был крут, чуть что, так сразу и вспылит, заругается. Я даже как-то подумывать стала, а не уйти ли от Кузьмы? Может, и ушла бы, да родственники не дали. Помню, Тимахви, муж младшей сестры Натальи, жившей тогда в Вутланах, говорил мне:

— Расходиться — это дело тяжелое, хлопотное. Надо посылать бумагу в Казань, к архиерею. Ты уж живи как-нибудь, терпи.

Вот и жили.

Ясно помнится мне такой случай. Было это осенним вечером. Уже пришли холода. Выпал снежок. В избе, хоть и темно, зато тепло. Кузьма плетет лапти, я сижу за прялкой. В это время заявляется Михаил, казаккасинский мужик.

— Кузьма, — говорит он, — там, в лесу, бык лежит сдохший. Пойдем, обдерем и шкуру сдадим.

— Чей бык-то? — спрашивает Кузьма.

— Петра. Петр, он богач, зачем ему шкура с дохлого быка? А нам пойдет. Давай, соглашайся. Завтра с утра и обдерем.

Кузьма согласился. Однако утром Михаил не пришел. Кузьма ждал его, ждал, решил пойти один. Шкуру он содрал и на другой день повез ее на базар. И, как говорят, только Кузьма за порог, а хозяин быка — на порог. С Петром пришли и дружки его; больше, чем он сам, кричат. Спрашивают:

— Где прячешь Кузьку? Зарезал быка и прячется! Где он?

Я тогда была беременна Мишей. Перепугалась, дрожу. А куштаны*, выспросив все, помчались на базар. Там они разыскали Кузьму, избили его до потери сознания.

На другой день дружки Петра опять собрались перед нашей избой. Мы поняли, что они хотят вывести Кузьму на улицу и второй раз избить при всем народе. Деться нам некуда и помощи ждать не от кого. Кузьма не выходит. Да и как выйдешь, а вдруг совсем убьют? Закрылись мы, в дом никого не пускаем. Тут куштаны принесли откуда-то багор, суют им в дверь, хотят вытащить Кузьму из

* Куштаны (чув.) — 1. мироед, кулак; 2. крикун, горлопан.

избы. Кузьма взял топор и перерубил черенок у багра. Куштаны отбежали. Стали кричать:

— Давайте тогда продадим его телегу!

— И козу тоже!

Вся улица гудит. Шум, гам. Долго толпились люди возле нашей избы, наконец разошлись. Куштаны оставили охрану из четырех человек. Это значит, чтоб Кузьма не смог никуда убежать.

— Не убегу я, не убегу, — сказал Кузьма охранникам. — И нечего меня караулить. Не резал я быка, сам он сдох. А я только зря сделал, что шкуру с него содрал. Ну ничего. Пускай будет суд. Если я виноватый, меня накажут, а если нет за мной вины — отпустят.

Охранники слушали, слушали, а потом взяли и тоже разошлись по домам. Видать, поверили Кузьме.

Потом был суд. На суде сказали, что Кузьма не виноват. Вот так вот — вины не было, а чуть не убили за эту шкуру сдохшего быка.

Вскоре мы с Кузьмой купили у одного старика за сорок рублей избушку и отделились от его родственников. Избушка была неказистая, топилась по-черному, в ней мы и начали самостоятельную жизнь. В этой курной избе и родился мой первый сын — Миша.

* * *

В девять месяцев Миша начал ходить, — продолжает свой рассказ Агафья Николаевна. — А как исполнился ему год, стал говорить.

Как-то летом мы с Кузьмой поехали на базар в Шихазаны. Взяли с собой и Мишу. На базаре гомон, толчея — кто продает, кто покупает. Пошли и мы по рядам. Дошли до одного места, где продавали маленькие одноладные гармошки. И тут у нас Миша неожиданно пропал. Я туда, я сюда — нет сына. И вдруг из толпы выбирается Миша с маленькой гармошкой в руках. Идет и пиликает. Отец подбежал к нему, спрашивает:

— Ты что делаешь, сынок?

— На гармошке играю, — отвечает Миша.

— А где ты ее взял?

— Вон в той лавке.

Пришлось Кузьме взять сына за руку и пойти к лавочнику расплачиваться. Так у Миши появилась игрушечная гармошка...

Однажды я погнала на лужайку гусят. Вместе со мной пошел и пятилетний Миша. А стояла жара. На небе ни облачка, солнце палит. Однако Миша рад, что я его с собой взяла, места себе не находит — то рядом со мной идет, то запрыгает, побежит за гусятами. На лужайке я, коротая время, сижу и тихонько пою. Миша подбежал ко мне, послушал-послушал и неожиданно запел свою песню:

Утка ходит вдоль реки, вдоль реки,
Сбывать хотят ее с руки, да с руки,
И на выручку сырнай* мне купить...

До этого дня я такую песенку ни разу не слыхала, даже удивилась, спрашиваю: «От кого ты научился так петь?» Миша и рассказал, что эту песню они с ребятами, оказывается, поют всегда, когда идут на речку купаться.

К полудню мы пригнали гусят обратно домой. Я стала варить обед, Кузьма работал во дворе. А Миша сидел у окна, посматривал на улицу. Вдруг он соскочил с лавки, подбежал к двери и закричал отцу:

— Там тебя один татарин зовет, говорит: «Пухча, Пухча, выходи, покупай рыбу!»

Я не сразу поняла, что такое — Пухча? Только потом догадалась: татарин-то, наверно, кричал «Кузьма», а наш Миша еще не умел выговаривать отцовское имя. Помню, нас тогда это очень развеселило.

В том же году, в один из осенних дней, с утра до позднего вечера убирали в огороде хмель. Вместе с нами старательно работал и Миша.

— Ты, небось, устал, Миша? — говорю ему. — Посиди, отдохни.

— Нет, не стану я отдыхать. Надо скорее убрать хмель, — ответил Миша. И так он это сказал — по-взрослому, серьезно — что мы даже удивились. А мне его слова до сих пор помнятся.

У Кузьмы был младший брат — Пракка, тоже женатый. Но вот детей у него не было. И брат, и его жена частенько забирали Мишу к себе. Они его очень любили. Зимой даже купили ему санки. Однажды жена Пракки пришла к нам и говорит:

— Миша для нас совсем как родной сын. Не отдадите ли вы его нам на воспитание?

Меня это даже обидело. И я ответила:

— Как же я отдам своего сына? Это все равно, что душу отдать!

Отец Миши в свое время два года ходил в школу. Он частенько засиживался допоздна за какой-нибудь книжкой. И Мишу он еще до школы научил читать.

Один за другим проходили годы. Вот уже Миша стал бегать в школу. Как часто, радуясь от души, он говорил:

— Меня учитель хвалит. Я в школе один из лучших учеников.

Он очень любил читать. Иногда я просила его, чтобы он почитал мне что-нибудь вслух. А иной раз он сам говорил: «Давай я тебе почитаю». Однажды он долго читал не то что-то придуманное им самим, не то народные песни. Некоторые из этих песен я запомнила. Вот хотя бы эту:

* Сырнай (чув.) — дудочка.

Когда лебеди летят,
Красных лапок не видать.
В доме нелюбимого
Счастья мне не отыскать.

Воду в ведрах принесла —
Полно каждое ведро;
А в лазурной той воде
Солнце блещет серебром.

Миша любил петь. И мы часто пели с ним вместе. Как-то раз пошла я в гости к нашему приятелю Семену в Малдыкасы. Со мной пошел и Миша. Посидели немного за столом, и я запела песню. Смотрю, а Миша мне подпевает, да так хорошо:

Выйдешь в поле, шум работ
Будит сердце, и простор!
В селе за душу берет
Петушиный дружный хор*.

Помню, с каким вниманием слушали нас гости.

Меня, вышедшую замуж в Казаккасы из деревни Шупоси, всегда удивляло, как это казаккасинцы живут без воды. В деревне не было ни реки, ни пруда. Стирать белье женщины ходили за две версты в лес: А за нашим огородом протекал маленький ручей. И как-то мне подумалось: а не запрудить ли его? Поговорила с соседями. Они согласились. И в один из летних солнечных дней мы вышли строить плотину. Старики, дети, мужчины и женщины — все пришли работать. Правильно говорит пословица: один человек плюнет — тут же все высохнет, народ плюнет — получится озеро. Неплохая у нас получилась плотина. Скоро пруд наполнился водой. Миша вместе с другими ребяташками наловили в речке Чарпусь рыбы, перенесли ее в новый пруд. Прошли годы. И как-то уже для всех стало привычным, что рядом есть вода, рыба.

* * *

Однажды вечером пришла я из бани, смотрю, а Миши дома нет. Спросила Кузьму, он ответил, что Миша поехал в ночное. Было тогда за деревней непаханное поле. Там по ночам кормились лошади. Миша не раз бывал в ночном, но в этот раз он поехал после бани, и я испугалась.

— Как же ты отпустил сына? — говорю я. — Он же только что вымылся в бане. Простудится, что будем делать?

Кузьма молчит, понял, что сделал неладное. Так оно и вышло. Утром Миша вернулся озябшим и скоро занемог. У него распухла нога, онемела и затвердела ступня.

* Из чувашских народных песен.

Одна русская женщина посоветовала подержать ноги мальчика в соленой воде. Мы так и сделали. Это, видать, немного помогло: опухоль на щиколотке прорвало. Мы понимали, что дома вылечить Мишу не сможем и повезли его в Шихазанскую больницу. Доктор сказал, что ребенку нужна операция. Мы испугались и не согласились. Стали просить, чтобы его полечили, но только не отрезали ногу. В больнице Миша пробыл две недели. Ему полегчало, а потом он совсем поправился, но все-таки стал прихрамывать на одну ногу.

Однажды я повезла Мише в больницу продукты и увидела на улице весело играющих ребятшек. А мой Миша со своей больной ногой стоял в сторонке и глядел, как они играют. Мне стало до слез больно и обидно за него. Я еще подумала тогда, неужели ему так и не придется поиграть со своими сверстниками?

Пока пришло на память, расскажу еще об одном случае. Как-то прибежал Миша утром в избу и с порога закричал:

— наших гусей переловила женщина из Малдыкасов. Ни за что не отдает обратно. Просит четвертак.

— Какой еще четвертак? — спросила я.

— Наверно, двадцать пять копеек, — поясняет Миша.

Мы тут же отправились в Малдыкасы. Той женщины, которая загнала к себе гусей, дома не было. Тогда мы сами открыли ворота, выпустили гусей на улицу и погнали домой. Хлопот с этими гусями было много. В один из теплых дней Миша погнал всю стаю на лужайку к реке. Как только он выгнал гусей за околицу, все они сразу кинулись в хлеба. А в это время Кузьма возвращался с поля, вез снопы. Увидел он непорядок и крепко побил Мишу, да так, что тот не мог встать на ноги. Сын мой очень был обижен за это на отца, тяжело переживал.

* * *

После Миши я родила Гурия, Петра, Кирилла, Илью, Ульяну. Все они жили в полном согласии между собой. И это радовало нас, родителей. Конечно, и переживаний с детьми было немало. Кирилл однажды упал, ушибся, так и остался горбатым. Миша как-то раз купил в Шихазанах кусок калача и принес для Кирилла. Тот был очень рад, несколько раз подходил и благодарил старшего брата. Кирилл был умницей. Миша часто читал ему стихи. Кирилл любил их слушать. Однажды смотрю — Миша учит Кирилла петь какую-то песню. А немного погодя они уже вместе пели «Коробейники».

Миша жил во время учебы на квартире у деда Пухвира. Однажды он повел меня туда. Взяли мы и Кирилла. Под вечер, когда сидели в избе, дед Пухвир стал просить, чтобы Миша почитал стихи. Миша не отказался. Все, кто был в избе, удивились, но слушали с интересом. Дошла очередь до Кирилла.

— Ты какой стишок расскажешь? — спросили его.

— Я лучше спою,— ответил Кирилл и тут же затянул «Коробейники».

Не удержался дед Пухвир, сказал мне:

— Ну, Укахви, хороших детей ты растишь.

А в другой раз пришел к нам дед Федор — отец Кузьмы. Миша говорит ему:

— Садись, дедушка, я тебя нарисую.

Дед согласился. Посидел он перед внуком, а спустя час Миша повесил на стену нарисованный им портрет. И опять мы удивились. Уж так похоже он нарисовал своего деда. Миша любил рисовать. И рисунки у него получались хорошие.

— Художником станет ваш парень,— говорили мне.— Надо бы его на учебу дальше отправить.

Старательный он был, мой Миша. Уж если за что возьмется, то обязательно до конца доведет.

Мише очень хотелось, чтобы у него была рубашка с вышивкой. Он часто просил, чтобы я сшила ему такую рубашку. «Да нет у меня времени. Некогда мне,— отнекивалась я.— Если хочешь, научу тебя самого вышивать. Хочешь?» Миша согласился. Внимательно следил он за тем, как я вышиваю, и скоро понял секрет рукоделия. Когда пришла жаркая пора, в летний праздник он вышел в хоро-вод в вышитой рубашке. Все узоры на ней он вышил сам.

Повзрослев, Миша, Гурий и Петр стали помогать по хозяйству. Как-то раз пошли они жать рожь. Я осталась дома, надо было сварить им завтрак. Утро стояло прохладное. Миша с Гурием, оказывается, как дошли до нашей полосы, завернулись в свою одежку и легли спать. Петр остался глядеть, когда я приду с едой. Пришла я, а ребята спят.

— Мы немножко только хотели полежать. Уснули вот, озябли. Руки серпа не держат,— оправдывается Миша, а сами все смеются. Что тут поделаешь с ними, дети есть дети. Позавтракали мы и принялись за жатву. Диву даюсь: сыновья мои работают один лучше другого. Из тех людей, что проходили мимо нас, редко кто не говорил:

— Вот сразу видно, из твоих сыновей, Укахви, выйдут настоящие работники.

Загон на три едока я так и сжала с ребятишками.

Миша никогда не слонялся без дела. А как только выдавалось свободное время, он уходил к старику Назару, который жил напротив нас.

— Чём он тебя приворожил? — спрашиваю.

— Дед Назар знает много сказок. И вообще, поговорить он мастак,— отвечал Миша.

У Назара был сын Константин, он всегда брал Мишу с собой то на рыбалку, то в лес. Миша любил природу. Каждую весну сажал

на своей улице деревья. Правда, всегда его старания оказывались напрасными. Маленькие деревца обглаживали козы. Но он терпеливо сажал опять и опять.

— Пойду-ка я в лес,— сказал он как-то мне.— Принесу молодых березок. Посажу. Знаешь, как красиво будет на нашей улице.

И правда, в тот же день он принес саженцы. Вдвоем мы и посадили их перед избой. А после охраняли от коз. Деревца прижились, окрепли, распустили листья.

Эти березы и сейчас украшают деревенскую улицу.

* * *

Настало время жениться одному из братьев Кузьмы — Павлу. И вот в базарный день пошли мы с Павлом присмотреть ему невесту. Встретилась нам девушка из Чуракасов. Мне она показалась и на лицо приятной, и по разговору хорошей. Но Павлу мой выбор не понравился. «Слишком белолица»,— объяснил он. Я догадывалась, почему он отказался — была уже у него на примете девушка. Ходили, ходили мы по базару, и я, наконец, сказала: «Ладно, если уж нравится тебе Матерне, возьмем ее». Вскоре втроем пошли эту девушку сватать. В разговоре выяснилось, что Павел хочет жениться на ней без всякой свадьбы.

— Нет, без свадьбы замуж не пойду! — заявила Матерне.

Нам пришлось согласиться с ней.

Сварили свадебное пиво, обошли деревню, позвали родственников и знакомых. И тут вышло такое дело — Павел отказался пригласить в гости своих старших братьев Пракку и Ехрема. «Они хотят, чтобы я женился на Хведусь»,— объяснил он нам.— Ругают меня за то, что я посватался к Матерне. Нечего им делать на моей свадьбе, раз им невеста не нравится».

Свадьбу играли в воскресенье. Мы пошли в гости втроем: Кузьма, Миша в своей вышитой рубахе и я. На свадьбу пришли все родственники и близкие знакомые. Не было только Пракки и Ехрема. Ну, про гулянье что рассказывать? Свадьба она и есть свадьба: веселье, песни, пляска. А Пракка с женой со своего двора через забор глядят на все это. Свадебное гулянье потом стало переходить от избы к избе. Откуда-то появился Ехрем, то тут, то там стал высказывать в круг гостей, удивлять своей пляской. Подошел вечер. Невесту привели в коренной дом — к Павлу.

Мой Кузьма из-за слабого здоровья долгое время не курил и не пил спиртного. Три рубля как-то передал в Москву, чтобы ему прислали лекарства. Как раз во время свадьбы эти лекарства и прибыли. Узнав об этом, некоторые гости стали прямо-таки наседать на моего мужа. Дескать, пей, и всё тут. Мол, хорошие лекарства тебе из Москвы прибыли, нечего бояться, выздоровеешь. Кузьма не утерпел, выпил малость. Захмелел, покачиваясь, вышел во двор.

Немного погодя Миша вызывает меня из избы. Выхожу и вижу: Ехрем бьет Кузьму.

— Ехрем, за что ты бьешь его? — кричат люди. — Он ведь твой старший брат.

А тот никого не слушает. Подбежала и я.

— Ехрем, чего тебе не хватает? — спрашиваю. — Зачем драку устроил?

Ехрем и меня не слушает, схватил моего мужа за волосы и не отпускает. Потом вырвал у Кузьмы клочок волос и убежал.

В избе пляшут, поют. А у меня душа не на месте. Тут во дворе затеялась новая драка — на этот раз Пракка повалил Кузьму, стал его душить. Кузьма задыхается, хрипит.

— Пракка, дорогой ты наш, — кричу я, — за что ты губишь Кузьму-то?

Услышав мой голос, Пракка бросил драться и тоже ушел. Вместе с Мишей мы подняли Кузьму на ноги, повели домой и уложили в постель. А он никак не может успокоиться.

— Опозорили меня Ехрем и Пракка, — говорит.

Мы думали, он бредит, оказывается — нет. Невесть в какое время — мы даже и не заметили — Кузьма поднялся, схватил топор и отправился выслеживать Пракку. Кончилось все это большой бедой...

Как услышала я страшную весть, так и повалилась. Опомнилась, села и не знаю, что делать. Кузьма уже дома. Сидим и всей семьей плачем. Смотрим, под окном появился свекор.

— Кузьма! — закричал он. — Шайтан! Зачем ты убил Пракку?

А сам ка-ак грохнет сковородником по окошку.

Кузьма поднялся, надел старый кафтан, шапку и говорит:

— Пойду в Шихазаны к уряднику. Сам пойду. Только как идти — по улице или за огородами?

Что мне ему сказать?

— Я уж теперь твоих путей не знаю, — говорю. — Тебе видней.

Вот так свадьба Павла вместо радости принесла нам горе. Кузьма больше домой не вернулся.

Однажды утром Миша поднялся с постели и говорит, что видел сон:

— Вижу, как-будто отец с посошком в руке уходит куда-то по ржаному полю. Уходит, торопится. А я плачу, прошу его не уходить.

Только Миша рассказал это, как через порог шагнул куштан Михала.

— За то, что натворил Кузьма, мы вас всех отправим в тюрьму, — говорит. И требует напоить его дружков водкой, а ему дать денег.

— Откуда мне взять водки? — плачу я. — Купить соли и то не на что.

Михала не слушает, кричит. Вытащил из кармана какие-то бумажки, трясет в меня ими перед глазами. А что я в них понимаю?

— Это, — говорит, — бумага, чтобы отправить вас в тюрьму.

Глядя на меня, заплакали и Миша с Гурием.

В то время в нашей деревне жил один добрый человек по имени Михаил Андреевич. Говорили, что он разбирается в законах. Вдвоем с Мишей мы пошли к нему просить совета, рассказали, как нас пугал Михала, грозился отправить в тюрьму.

— Нет, за Кузьму вы не ответчики. Вас никто никуда не pošлет, — сказал нам Михаил Андреевич.

Его слова успокоили нас. И стоявший рядом Миша тоже перестал плакать. Он рассказал Михаилу Андреевичу о своем сне.

— Да-а, — покачал головой тот. — Сон в руку, как говорится. Ушел от вас Кузьма и теперь уж не скоро придет домой.

Жить становилось трудней и трудней. Мужа нет, дети еще не такие большие. А тут пришло время сеять. Из нас же никто до этого рожь не сеял, не знаем, что и как? Обещал помочь сосед, да, видать, не нашел времени, не пришел. Села я на лавку и реву. Миша и Гурий успокаивают меня, просят не плакать.

— Нельзя дать земле пересохнуть, — говорю. — Сеять надо. А кто нам посеет?

— Сами посеем, — в один голос отвечают сыновья.

Запрягли лошадь, погрузили на телегу соху, борону, семена и выехали в поле. Мишу, хотя он и хотел поехать с нами, мы не взяли — у него еще болела нога. Полоску под рожь вспахали вдвоем с Гурием, пробороновали. Сеяла я сама. Правильно говорят: нужда всему научит.

Когда вернулись домой, узнали, что Миша тоже без дела не сидел — ходил на пруд стирать белье.

— Ай-яй, оказывается, каким тяжелым делается в воде белье. Платье еле-еле вытащил, — сказал он, показывая на мое холщовое платье, которое уже повесил сушиться.

После ужина мы с Мишей долго разговаривали про наше горемычное житье-бытье.

— Эх, мама, — сказал он, — и как ты только терпишь? Ни зернышка радости для тебя нет. Ну да ты не горюй. Вот подрастем мы, тогда и к тебе придут счастливые дни.

* * *

Я радовалась, когда видела, как заботливо относится к своим младшим братишкам Миша. Помню, когда Гурий был совсем еще маленький, Миша от него почти не отходил. Именно он научил Гурия ходить, а когда тот подрос, Миша стал брать его с собой в лес. Однажды вернулись они из лесу и попросили меня подоить корову, захотели поесть ягод с молоком.

— Некогда мне, — сказала я. — Если хотите, подоите сами.

Смотрю, Миша стал доить прямо в чиряс * с ягодами. А корова, привыкшая только к моим рукам, стоять не хочет. Переступила с места на место, лягнула по чирясу и опрокинула его. Разлилось молоко, рассыпались ягоды. Ох, как я упрекала себя потом, что не стала доить сама, не накормила моих сыночков ягодами с молоком...

Расскажу еще вот о чем. Гурий вместе с Павлом-уйпусь нанялись пасти деревенское стадо. В пахотную пору пасти скот вместо Гурия отправлялся Миша.

— У Миши нога болит, ему пахать трудно, — сочувствовал брату Гурий. Уходя со стадом, Миша всегда брал с собой книгу. Возвратившись с пастбища, рассказывал нам после ужина, что он прочитал. За пастьбу Миша и Гурий получили двадцать пять рублей. Все деньги отдали мне. Я им купила обоим шапки и черного материала на штаны.

Однажды вижу: сидит Гурий за столом и мучается, что-то пишет, зачеркивает, пишет и опять зачеркивает.

— Что ты делаешь? — спрашиваю его.

— Пишу, как брат, стихи.

Когда он подал свою бумажку Мише, тот посмотрел в нее, подумал и сказал:

— Нет, Гурий, стихотворца из тебя не получится. Чтобы писать стихи, надо много-много знать.

И Гурий несколько не обиделся на него за эти слова. Он не стал стихотворцем, но Мишины стихотворения слушать любил.

Миша жил в дружбе и с мальчишками, и с девочками. Он часто рассказывал своим ровесникам что-нибудь новое, всякие сказки, загадки...

Двором через пять шесть от нас жил мужик Исаак. У него была дочка Дарья. Лет так восемнадцати. А Мише тогда было семнадцать. Они, оказывается, сдружились. Дарья была девушкой красивой, вежливой со всеми, работающей. Как-то зимой заметила я на Мишиных руках белые перчатки. Вот тебе раз! Спрашиваю:

— Откуда это у тебя такие перчатки, Миша?

— Дарья подарила. Мы с ней дружим. А перчатки хорошие, теплые.

Вижу, вырос мой сын. Вот только женить-то мне его не довелось. На уме у Миши была учеба. Не помню, какой был год, помню, что была жатва, дело шло к осени. Подошел ко мне Миша и говорит:

— Мама, я хочу учиться дальше. Как бы трудно ни было, а я без образования не останусь. Готовиться к экзаменам пойду к учителю Ефиму Алексеичу. Надо бы пять-шесть рублей.

* Чиряс (чув.) — деревянное ведро.

— Надо так надо,— ответила я.— Продадим яйца, молоко.

Миша и Гурий прямо с поля отправились в Шихазаны. Школа была там. Домой после встречи с учителем ребята вернулись поздно...

А беда опять подстерегала нашу семью. Однажды Гурий поехал в почное. Утром вернулся пешком, весь в слезах.

— Коня украли,— говорит.

Ну вот, думаю, и хозяина нет, и коня украли. Все плачем. Где только не ходили, где не искали, но так и не нашелся наш конь. После этого сыновья стали поговаривать о том, что надо бы все-таки обзавестись лошастью. Без нее в деревне не проживешь. Думали мы думали и пошли в Малдыкасы к дяде Якову. Он запросил за лошадь двадцать один рубль.

— Сразу столько заплатить не можем. Повремените до осени,— попросили мы.— Продадим зерно, выручим деньжонок, отдадим.

Дядя Яков был человеком добрым. Он дал нам лошадь в долг. Через неделю на этой лошади Гурий повез Мишу в Тетюши.

— Зачем ты так далеко от нас уезжаешь? — спросила я сквозь слезы своего старшего, любимого сына.

— Надо ехать, мама. Надо учиться дальше,— ответил мне Миша.

Я собрала ему белье, подушку, отсыпала муки. И проводила до самой околицы.

Миша каждый год в январе приезжал домой. И всякий раз удивлял нас рассказами о виденном, слышанном, пережитом.

* * *

Как бы ни тяжела была жизнь, но на своем веку я никогда не теряла надежды на лучшее. Жила детьми, жила для детей.

Однажды Миша попросил денег, чтобы платить по три рубля в месяц за питание во время учебы. Подумали мы и решили один надел земли — Мишину долю — отдать в аренду деверю Сергею. Сергей за землю заплатил шесть рублей. Так вот и выкрутились, лишь бы только Миша учился.

Лошадь, на которой Мишу отвозили в Тетюши, каждый год приносила нам жеребенка. Первого жеребенка мы продержали зиму, но не хватило кормов, пришлось продать его крестному отцу Миши за одиннадцать рублей. Второго жеребенка стали растить сами, выкормили доброго коня. А лошадь, после того, как она ожеребилась в третий раз, решили продать. Вывели мы ее на Шихазанский базар, и так мне стало горько на душе. Повисла я на шее у лошади и плачу. Подошел какой-то человек и говорит:

— Стоит ли так плакать из-за лошади?

— Как же не плакать? — ответила я.— Ведь она нас кормила, одевала.

Многое пришлось пережить, но всегда в нашей семье среди детей были мир и согласие. Помню, сварила мамалыгу — кашу из кукурузной муки. Все ребята сели обедать. Неожиданно меньшая дочь Ульяна говорит:

— Мамалыгу всю не ешьте, оставьте для Миши.

И что удивительно — в тот же день приехал Миша. Мы рассказали ему о словах Ульяны. Он тоже удивился, взял Ульяну на колени и стал играть с нею, спрашивать:

— Из чего такая хорошая сделана?

— Слепили из глины, — отвечает дочка.

— А пальцы из чего?

— Из палочек. Просверлили в кулаке дырочки и вставили.

— А глаза?

— А глаза — из ярких бусинок.

— А уши?

— Из грибов.

— Волосы?

— Из лошадиной гривы, — сказала Ульяна.

Миша радовался тому, что вот так разумно и складно рассуждает его младшая сестренка. Тогда же он сказал:

— Хороший человек из нее выйдет. Вот подрастет, и надо ее устроить учиться.

* * *

Когда Миша был дома в последний раз, он рассказывал нам, как ездил в Москву.

— Самое дорогое для меня — это то, что я видел Ленина, слушал его речь. Ленин — защитник народа. За народ старается. Он указал нам настоящую дорогу в жизни. И мы все пойдем по ленинскому пути, — так говорил тогда Миша. А сам все ходил по избе взад и вперед.

Попозже я у него спросила:

— Все ли у тебя хорошо? Чую я, что-то тебя беспокоит.

— Душа болит, мама.

— Что так? — спрашиваю.

— Есть такие люди, которые меня ненавидят.

— Спорить, небось, ругаешься?

— Бывает и такое. За правду приходится спорить.

— А ты сам-то за старое или за новое?

— За новое, мама, за новое.

— Что же теперь? — говорю. — Раз выбрал себе такую жизнь, то уж голову не опускай, — советовала я ему тогда, как умела.

Пока мы говорили, Миша несколько раз вспомнил своего отца: «Что же он не едет? Я же слышал, что из тюрьмы его выпустили». Миша говорил правду — наш Кузьма давно уже был освобожден.

Вот только до дома он не добрался, умер в больнице в Нижнем Новгороде. Это я узнала после.

Не довелось мне больше увидеть и Мишу. Наша короткая встреча оказалась последней. Тогда я об этом даже не думала. Проводила Мишу и, как обычно, стала ждать от него письма. Но время шло, а он молчал, не было от моего дорогого сына ни письма, ни весточки. Я начала переживать. А тут еще до нас дошел слух, будто Мишу хотят арестовать и посадить. Как быть, не знаю. Опять пришла в нашу семью беда. Миша страдает от болезни, а его хотят посадить. «Что еще выпадет на мою долю?» — думала я. Потом я узнала, что Мишу и правда посадили, но потом выпустили. Значит, мой сын ни в чем не виноватый, думалось мне; значит, пострадал он за правое дело.

Через некоторое время пришла весть о том, что Миша уехал в Крым, на Украину, что его взяли в солдаты.

А уже пришел 1921 год — страшный, голодный. Едим хлеб из щавеля. Младший брат Миши — Петр — занемог от голода. В эти тяжелые дни Гурий и Петр, надумав добраться до Миши, выехали в дальнюю дорогу. Но на Украину они не попали. Проехали Москву и остановились у одного русского, прожили там целый год. А я за них переживаю. И от Миши никаких вестей. Чтобы его разыскать, послала бумагу. Получила ответ. Читаю и глазам не верю, пишут мне, что такого человека нет вообще. А потом пришло еще одно письмо. Написал это письмо близкий друг Миши украинец Федор Пакрышень. И узнала я, что сын мой Миша умер...

* * *

Агафья Николаевна глубоко вздохнула и задумалась. Ей больно вспоминать прошедшее — все то, что было так давно, но что навсегда осталось в ее материнском сердце, в ее памяти...

Остается лишь добавить, что в тридцатые годы Агафья Николаевна со своими детьми вступила в колхоз, стала работать на молочной ферме. Дети были заняты на разных колхозных работах. В тяжелые для Родины годы все они в меру своих сил помогали фронту, старались приблизить День Победы. Петр с войны не вернулся... Из детей Агафьи Николаевны сейчас живы Гурий и Ульяна. Когда все они собираются вместе, то непременно с большим уважением вспоминают своего сына и брата Мишу — Михаила Сеспеля.

А я с уважением и благодарностью склоняю голову перед матерью Михаила Сеспеля, перед простой чувашской женщиной, сумевшей в самые трудные годы сохранить и поддержать в сыне тот огонек, который разгорится потом в пламя; в этом пламени души поэта закалится его «стальная вера», вера в расцвет родного народа.

Гурий Кузьмич Кузьмин — брат Михаила Сеспеля. В ту пору, когда я встретился с Гурием Кузьмичем, это был старый, умудренный нелегким жизненным опытом человек. За полосой бурных революционных лет, в далеком времени бесправия и нищеты, теперь уже, к нашей гордости, безвозвратном, остались его детство и отрочество. То, чего он, крестьянский сын, чуваш, смог в своей жизни достичь, дала ему Советская власть. Еще в тридцатые годы Гурий Кузьмич получил в Москве высшее экономическое образование. Вернувшись в родные места, работал экономистом, учителем.

Слушая Гурия Кузьмича, невольно отмечаешь в его характере ясный, мудрый взгляд на мир, жизнелюбие, присущие ему как и его брату, поэту Михаилу Сеспелю.

— Детство наше прошло в Казаккасах. Деревня была небольшая — сорок два двора. Неподалеку стоял густой лес, тянулась речка. Вообще, место было красивое. Выйдешь за околицу — душе привольно. А жили бедно. В иной год и хлеба не хватало, а уж о хорошей одежде оставалось только мечтать. Оно, конечно, не все так жили. Были и у нас свои богатеи. Взять, хотя бы, Ивана Лысого (называю по прозвищу, так звали его все в нашей деревне), у него каждый год в поле стояло по девять-десять ометов. Прижимистый был мужик, больше того — жадный до крайности. Я после революции около двух лет работал писарем в исполкоме сельсовета. В то время страна голодала, и в деревнях часто появлялись продотряды. Приехал как-то продотряд и в Казаккасы. Мы, сельские активисты, назвали продотрядчикам в числе других богатеев имя Ивана Лысого. Он-то сам, конечно, и не думал сдавать хлеб. А мы уже осознавали и свою силу, и свою правоту — хлеб был нужен голодающему пролетариату. И как не хитрил Иван Лысый, а пришлось ему сдать зерно, мы помогли продотрядчикам найти припрятанные им три тысячи пудов. Все это происходило на глазах у Миши. Что такое классовая борьба, он узнал не из учебников, ненависти к богачам его учила жизнь. С детства он невзлюбил тех, кто наживался за счет чужого труда.

Вообще, Миша остро чувствовал несправедливость. Может быть, потому, что очень часто ему приходилось испытывать эту несправедливость на себе. И когда ему самому случалось кого-то обидеть, он очень переживал. Помню такой случай из раннего детства. А детство Миши, кстати, прошло на моих глазах, мы всегда были вместе. Я на три года младше его, и Миша присматривал за мной, устраивал всякие игры. Однажды затеяли мы игру в лошадок, ездили друг на дружке. И вот когда я был «конем», а Миша «всадником», он вместо кнутика взял в руки ветку репейника и в пылу детской возни угодил ею мне по глазу. Из игры вышла беда. В глаз

попала колючка. Миша стал меня утешать, говорить, что он сделал это нечаянно. Глаз у меня опух, и больше месяца я ничего им не видел. Миша очень страдал из-за случившегося. Ну а когда опухоль спала, и глаз снова стал зрячим, я, как и прежде, опять был, что называется Мишиным «хвостиком» — куда старший брат, туда и я.

Вспоминается еще такой случай. Однажды на пасху мать послала Мишу к крестному за пивным ковшом. Я, конечно, увязался за братом. Идем по улице, весело разговариваем, вдруг видим, что наперерез нам выскочили ребята с нашей же улицы. Звали их Кирук, Алексей, Иван и Укахви. А надо сказать, что они всегда почему-то старались нас обидеть — дразнили и даже били. Вот и в тот раз выскочили они и ни с того ни с сего нас поколотили. Миша потом утешал меня и говорил, что все равно он когда-нибудь проучит обидчиков. Как их проучишь, думалось мне, у них компания, а нас только двое. Но тут подвернулся такой случай. У нас были гуси. Гусята обычно паслись на улице под ветлой, там же для них было поставлено корыто. С гусятами ходили гусыня и гусак. И как-то раз, когда я зачем-то подошел к корыту, гусак вдруг раскинул крылья, зашипел, и давай меня клевать! Хорошо, что Миша был неподалеку, сразу же прибежал на выручку. Отогнав гусака, он успокоил меня:

— Не переживай. Гусак тебя клевал, он же за тебя и заступится.

Я тогда не сообразил, что Миша имел в виду. А после обеда брат подозвал меня и сказал:

— Когда выпустим гусей, то давай погоним их мимо дома, где живет Кирук. Поближе к воротам. Кирук увидит нас, и вся его компания обязательно выскочит на улицу. А у ворот будут гуси. Мальчишки станут их разгонять, вот тогда гусак даст жару.

Так и получилось. Гусак разогнал наших обидчиков, и мы смогли спокойно пройти по улице.

Нелегким было наше детство. А особенно тяжело стало после того, как отца посадили в тюрьму. Остались мы без мужчины в доме, а тут еще и часть огорода отрезали. Все тяготы, все заботы о семье легли на плечи матери. Благодарность, которую я испытываю к ней, невозможно выразить словами. Мать для нас была и кормилицей, и защитницей, и наставницей. Сколько ее помню, она всегда работала и работала. В один из трудных моментов мать решила вскопать землю на пустующем пригорке рядом с нашей избой. Копала и сама, и нас приучала к работе. Вскопали мы эту пустошь, посадили на ней яблони, двадцать корней, на семнадцати сделали прививки. И появился у нас сад — вот было радости! Но как-то так выходило, что в нашей семье радость всегда соседствовала с бедой. В первый год революции забрела в наш сад скотина,

обглодала молодые яблони. Было жалко и яблонь, и труда, вложенного в сад.

Из-за нужды нам в детстве приходилось много работать. Помогали дома по хозяйству, я ухаживал за гусятами, Миша за поросенком. Тут уж не до игр и забав. Но даже в то тяжелое время родители не оставляли мысли дать нам хоть какое-то образование, сделать грамотными. Еще когда с нами был отец, Мишу отправили учиться в Шихазанскую школу. Тогда в деревне говорили, что в Шихазанах хорошо учат в школе русскому языку. И отец решил непременно устроить Мишу в эту школу. На квартиру поселили брата к русскому мужику Порфирию Петровичу. Помню, отец радовался, что его старший сын с детства будет хорошо понимать по-русски.

Надо сказать, что Миша еще до школы научился читать. Он без запинки читал нам стихи, рассказы, сказки. Голос у него был звонкий, речь чистая. Мы слушали его с большой охотой. Когда Миша стал учиться в Шихазанской школе и жить на квартире, его способности заметила жена хозяина квартиры. Иногда она приносила книги и давала их Мише. Шихазанцы рассказывали, что у Порфирия Петровича долгими зимними вечерами часто собирались родственники, соседи, и тогда Миша садился ближе к свету, раскрывал книгу и читал вслух.

Книги были Мишиной страстью. Почти все свое свободное время он отдавал чтению. Любовь Миши к книгам заметили учителя Шихазанской школы Михаил Антонович и Алексей Нилович, они щедро стали давать ему литературу из школьной библиотеки. Однажды Миша принес в Казаккасы книгу «Юрий Милославский»*. Читали мы этот роман вместе с другими ребятами, читали по очереди. Так решил Миша. Он говорил, что каждый из нас должен уметь хорошо читать. И когда давал в руки книгу, то наставлял произносить слова, предложения четко и правильно, так, чтобы всем было понятно. Сам же он читал по-русски очень хорошо. Вообще, по русскому языку он всегда получал пятерки. Мы еще удивлялись, как красиво он пишет, буквы словно бусы нанизывает. А вот математика ему давалась трудно. И сам Миша это признавал. Однако и по математике он старался получать только высокие оценки. Почти всегда, как приходил из школы, долго сидел над задачами. Не вставал из-за стола, пока все не решит. Это упорство и помогло ему быть в числе лучших учеников Шихазанской школы.

В четвертом классе ему пришлось оставить школу и вернуться из Шихазан домой. Дело в том, что к этому времени Мишу уже мучила боль в ноге. Что только ни делали родители, чтобы избавить его

* Исторический роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». (Примеч. переводч.)

от боли, но ничего не помогало. Более того, Миша захромал, а потом и вообще ему трудно стало ходить. И когда брат приехал из Шихазан на зимние каникулы, то назад его уже не пустили, оставили дома. Учиться он стал здесь же, в деревне. Ежедневно я сажал его на санки и вез к школе. Там его встречали ребята, заносили в класс. Друзей у Миши к этому времени было много. После уроков я снова брал санки и отправлялся к школе. Всё повторялось: Мишу выносили из класса на улицу, усаживали на санки, и я вез брата домой. Вот так и возили туда-сюда и в метели, и в морозы. Помню, зимним морозным утром мы занесли Мишу в класс, а учитель Герасим Арсентьевич Артемьев вдруг спросил:

— Ну как, холодно? А вот кто скажет, какого цвета мороз?

Миша не растерялся, тронул себя за покрасневший озябший нос и ответил:

— Красного.

Все весело рассмеялись.

Миша жалел, что годы учебы в Шихазанской школе пропадут зря. И он, несмотря на перерыв в учебе, решил все же сдать там выпускные экзамены, сдать с теми, кто прошел полный срок обучения. Мы согласились с ним. Запрягли лошадь, и я повез Мишу в Шихазаны. Экзамены он сдал хорошо. Более того, ему даже выдали похвальную грамоту.

Вспоминая те годы, я всегда поражаюсь мудрости матери. В нужде, под тяжестью бед и невзгод, озабоченная добыванием для детей куска хлеба насущного, она сумела поддержать тягу старшего сына к знаниям. Появись в крестьянской семье лишний рубль, на что он тратился? Конечно же, на хозяйственные нужды. До книг ли, когда одежда в заплатках и на стол подать нечего? Однако в нашей избе книги были всегда. Как радовался Миша каждой новой книге! А вместе с ним радовались и все мы, его родные. Вот только нечасто удавалось достать новую книгу. Спросить было не у кого, а купить... На какие деньги? И решили мы как-то отправиться на строительство дороги между Шихазанами и Канашом. Помню, заработали шесть рублей. Получили деньги и отдали их односельчанину Алексею Максимовичу Максиму. Он как раз ехал в Казань, и мы его попросили, чтобы он накупил нам книг. Максимов нашу просьбу выполнил, книги привез, а еще купил для нас каталог подписных изданий. Миша был, что называется, на седьмом небе от радости. Он сразу же захотел что-нибудь выписать по каталогу, вот только денег не было. И снова радость ему пришла из рук матери. Продавая на базаре то масло, то яйца, мать накопила двенадцать рублей. На эти деньги Миша подписался по каталогу на книги. Прошло не так уж много времени, и вот по почте к нам пришли новые книги — произведения Максима Горького. Это было для нас праздником. Первый рассказ, который мы прочитали, на-

звался «Челкаш». Рассказ нас так взволновал, что мы с Мишей плакали...

Затем пришли по почте произведения Мамина-Сибиряка, Сервантеса, Надсона. Наша домашняя библиотека росла. Книги мы хранили в шестиведерной кадке. За книгами к нам ходили не только свои, казаккасинские, но и ребята из соседних деревень.

Начитанность Миши позволила ему устроиться на работу в волостное правление. По пятницам в Шихазанах устраивались базары. В базарные дни у Миши было много работы. В правление приходили выправлять бумаги и те, кто продавал (корову, например, или лошадь), и те, кто покупал. Бумаги писал Миша. За свою работу он получал в месяц по пять, по шесть рублей. В свободное время брат готовился к поступлению в Шихазанскую школу, которая готовила учителей для школ грамоты. Чтобы поступить туда, надо было сначала внести сорок три рубля. Деньги для нас немалые. Мать снова принялась ходить на базар, продавать масло, яйца. Стал копить заработанные в волостном правлении деньги и сам Миша. Было ему тогда шестнадцать лет. Накопив деньги, сделали взнос. Мишу допустили к экзаменам. Выдержал он их успешно.

А уже началась первая мировая война. Жизнь народа стала еще тяжелее. Миша уже тогда понимал, что война эта нужна дворцам, а не хижинам, нужна власть имущим, а не простому народу. Однажды брат взволнованно, с большим чувством прочитал мне стихотворение Тараса Шевченко. Я слушал с удивлением и восхищением. А после того, как Миша кончил читать, я спросил его, можно ли научиться писать такие вот стихи?

— Писать так хорошо, как Шевченко, трудно, — ответил Миша. — Для этого нужны и талант, и мастерство. Я и сам пишу стихи, но у меня пока не выходит вот так мастерски.

И Миша прочитал мне свое стихотворение. В нем говорилось о красоте родного края. Стихотворение мне понравилось и я сказал:

— Как хорошо слушать стихи, которые написаны на родном языке. А вот интересно, почему ты это стихотворение написал на чувашском языке, а не на русском?

Миша ответил сразу же, видимо, он и сам задумывался над этим.

— На русском языке писали Пушкин, Лермонтов. Великие поэты. В их поэзии — душа русского народа. И я понял, что к своему народу поэту надо идти со стихами, написанными на родном языке.

Тогда я спросил:

— А почему же вот это стихотворение, которое ты сейчас прочитал, очень напоминает стихи русского поэта Кольцова?

— Напоминают по размеру, — уточнил Миша и пояснил: — Ничего плохого в этом нет. Поэт должен владеть любыми размерами. Нельзя же все время писать только семисложником? И если уж

говорить о размерах, то я могу написать стихи под Пушкина, под Лермонтова, под Кольцова. То есть мои стихи размерами будут напоминать стихи именно этих поэтов. Это просто учеба. Новым мыслям в чувашской поэзии нужны новые размеры. Одного семисложника уже не хватает.

Вот, в общем-то, суть нашего давнего разговора с братом о поэзии.

После окончания Шихазанской школы по подготовке учителей Миша решил поступить в Тетюшскую учительскую семинарию. А уж что он задумает, того обязательно добьется. Мы это знали и потому не стали его отговаривать. Подошло время провожать брата в Тетюши. Помню, была у нас тогда лошадь с белой гривой. Ее-то мы и запрягли. Насыпали около десяти пудов картошки, положили на воз капусту, пристроили нехитрые Мишины пожитки. Вместе с Мишей в Тетюши отправился его близкий друг из деревни Аламанчи Антонин Хрусталеv. А отвозить их пришлось мне.

Отвозил я Мишу в Тетюши и после зимних каникул. Шел первый год его учебы. Миша приехал домой на каникулы веселый, много рассказывал о своей жизни в Тетюшах, об учительской семинарии. По почам все так же читал книги. Днем помогал по хозяйству. Каникулы пролетели быстро, и стали мы опять собираться в дальнюю дорогу. С вечера приготовили поклажу, взяли у деда Сергея (брата нашего родного деда) тулуп и после полуночи, в третьем часу, тронулись в путь. Одна за другой оставались позади деревни, вокруг лежали заснеженные поля. К концу дня проехали Большие Яльчики. Солице село. По-зимнему быстро стало темнеть. Днем погода была хорошая, к ночи же поднялся ветер, пошел снег, начался буран. Я пристально всматривался вперед, пытаюсь разглядеть дорогу, но впереди уже ничего не было видно. Однако лошадь пока еще бойко шла вперед, значит, чувствовала под ногами дорогу. Доехали до небольшой татарской деревушки Кильдуразы. Поговорили между собой: не остаться ли на ночь здесь, в деревне, попроситься к кому-нибудь на ночлег? Решили не останавливаться. Когда выехали за околицу, избы сразу же скрыла метель. Миша завернулся в тулуп и лег. Я же сидел, не выпускал из рук вожжи, а метель была такая, что глаз не откроешь. Долгий путь утомил нас, и я не заметил, как тоже заснул. Пока мы спали, лошадь сбилась с дороги, зашла в глубокий снег и встала. Я проснулся, смотрю, а лошадь по самое брюхо в снегу. И оказывается, она не сама остановилась, ее остановил овраг, и стоим мы на крутом берегу. Я закричал, разбудил Мишу, он принялся меня ругать за то, что я заснул и потерял дорогу. Мы поссорились. А метель все не утихла. Решили развернуться. Я пошел впереди лошади. Шел наугад, но все же сумел выйти на дорогу. Однако через некоторое время мы снова потеряли ее. Тогда Миша остановил лошадь и сказал:

— Нечего больше кружить, будем ночевать здесь, прямо в поле.

Распрягли лошадь. Сани перевернули и поставили торчком, полозьями встреч ветра. Лошадь тоже повернули головой против ветра, привязали к саням. Мы слышали, что так она меньше мерзнет. Сами закутались в одежду, легли в сено возле саней, с заветренной стороны. Переночевали благополучно: и сами живы-здоровы, и лошадь цела. Утром увидели, что ночью мы так и кружили рядом с Кильдуразами. А ночевали, оказывается, неподалеку от ветряной мельницы, что стояла около самой деревни. Вот ведь как...

После революции, уже в восемнадцатом году, приехав в деревню на летние каникулы, брат в Тетюши не вернулся. При первой же мобилизации ушел в Красную Армию. Служил он в Казани помощником коменданта города. Я в ноябре того же года поехал к Мише.

Именно тогда был у нас с братом еще один разговор о поэзии. Он прочитал мне свое стихотворение «Жизнь и смерть».

— До сих пор на чувашском языке таких стихов никто не писал, — сказал я Мише.

— Я рад, что тебе понравилось, — ответил брат и добавил: — Обязательно прочитаю это стихотворение красноармейцам.

После Миша действительно читал это стихотворение солдатам, и оно очень хорошо было ими принято.

Тогда же брат получил от своего друга Павла Бекшанского письмо, в котором тот звал Мишу снова в Тетюши (учительская семинария там после революции была преобразована в педагогические курсы). К тому времени медицинская комиссия освободила брата от службы в армии из-за его слабого здоровья. После возвращения из Казани Миша около недели жил в Казаккасах. А потом я отвез его в Тетюши.

В 1919 году Мишу направили учиться на курсы пропагандистов в Москву. Самое сильное впечатление за время учебы у брата оставило то, что он присутствовал на выступлении В. И. Ленина. Рассказывая об этом событии, Миша особо отмечал понимание В. И. Лениным нужд народа, его чаяний и устремлений.

Некоторое время жил в Тетюшах и я. Окончил там пропагандистские курсы. Работал в уездном телеграфном агентстве. Из того периода хорошо запомнилось настоятельное требование Миши — читать, как можно больше читать! Однажды он дал мне книгу И. С. Тургенева и сказал, что читать ее следует вдумчиво, запоминая отдельные слова и выражения. Наиболее сильные места он советовал выписывать в тетрадь и заучивать. Сам же он в это время увлекся поэзией М. Ю. Лермонтова. Поэму «Мцыри» знал наизусть.

Позже Миша, а за ним и я, переехали в Чебоксары. Сначала оба работали в обкоме комсомола. Но как бы мы ни были заняты, Миша постоянно требовал от меня: читай, читай, читай. Как-то он дал мне роман Ф. М. Достоевского «Идиот». Читать его мне было

нелегко. Однажды я даже заснул над книгой. Миша, заметив это, разбудил меня и настоял на том, чтобы я тотчас же взялся за чтение. А сам сел за стол и снова нагнулся над листом бумаги. Он писал тогда стихотворение «Как умру...» Видно, ему не удавалось сразу выразить точно свою мысль и он волновался — напишет несколько строк и порвет лист, напишет и порвет. А утром я увидел, как он аккуратно складывает исписанные листки бумаги с готовым стихотворением.

Я знаю, Миша писал не только стихи. Однажды мы с братом посмотрели в театре пьесу «Чувани». Домой шли возбужденные, спектакль взволновал нас. Дома я принялся растапливать печь. Разгорелся огонь, и тут я увидел, что Миша принялся рвать и заталкивать в печь исписанные листки бумаги. Я сразу узнал его почерк и попытался помешать брату. Но он не дал мне выхватить рукопись из огня, сказал:

— Пусть горит. Это моя пьеса. Плохая пьеса.

Видимо, поступить так его подтолкнул просмотренный нами спектакль. Пьеса, которую Миша сжег, называлась, кажется, «Упик».

Кроме стихов и пьесы видел я у Миши рукопись романа. Не помню уже, что я искал, помню только, как, открыв сундучок брата, обнаружил сверху большую тетрадь. На обложке было написано: «Таркан салтак» *, роман. Тут же раскрыл тетрадь и начал читать. Читаю и не могу оторваться. До сих пор помню, о чем был роман. Действие в нем происходило в старое время. Девушка по имени Анюк утром опоздала выгнать скотину в стадо. Деревенским куштанам не по праву пришлось то, что девушка появилась на улице простоволосой. Они начали травлю. Поймав Анюк, принялись лить ей на голову холодную воду. После пятнадцатого ведра Анюк не выдержала, повалилась без чувств на землю. За девушку вступился парень по имени Егор, он проводил ее домой, остался сторожить, чтобы никто из куштанов не смог войти в избу. Спустя некоторое время богатеи отомстили Егору, отправили парня в солдаты, на цареву службу. Горячий по характеру, Егор не захотел мириться с несправедливостью, сбежал из армии. Его поймали, он снова вырвался на волю и опять угодил в руки мучителей. Его, невиновного, повесили... Этот роман Миша перед отъездом на Украину оставил у одного знакомого. А тот в голодный год уехал в Сибирь. Видимо, увез с собой и рукопись.

Мало прожил мой брат. Но то, что он успел сделать, заслужило благодарность людей. Иначе и быть не могло. Всё, что написал Михаил Сеспель, проникнуто любовью к родному народу, верой в его

* «Дезертир» (чув.).

большое будущее. Свою неразрывную кровную связь с народом он выразил в стихах.

Во мне стучит мильон сердец,
Я не один. Я сам — мильон,
Мильона чувашей певец,
Мильоном стих мой повторен! *

1969

Перевод с чувашского
Л. ЕГОРОВОЙ и П. ЕГОРОВА

* Перевод П. Хузангая